

— Тогда я пойду приготовлю для вас обед, молодой господин, — сказал Чжу Сяосуй.

Чжу Яньинь что-то невнятно промычал в ответ и продолжил лежать в постели, размышляя о жизни. Разве могло быть на свете что-то более смущающее, чем когда этот великий злодей переносит тебя на кровать прямо в ночной рубашке? Определенно нет. Какое счастье, что прошлой ночью он спал крепким сном — проснись он посреди процесса, неизвестно, чем бы все закончилось. Он откинул одеяло, собираясь раздобыть медное зеркало и полюбоваться собой, но в этот самый момент Ли Суй толкнул дверь и вошел. Их взгляды встретились. Окажись они в каком-нибудь любовном романе, с неба в этот миг непременно посыпались бы лепестки персика.

— ...Доброе утро, — выдавил Чжу Яньинь.

— Уже не доброе, — Ли Суй закрыл за собой дверь. — Снаружи полно ученых мужей, которые жаждут на тебя взглянуть. Вся улица забита так, что не протолкнуться.

Чжу Яньинь изумился: неужели правда?

Он осторожно приоткрыл окно, оставив лишь узкую щелочку. И действительно: повсюду толпились люди, а местная стража даже помогала поддерживать порядок.

— Пойдешь к ним? — спросил Ли Суй.

— Не хочу, да и спешить некуда.

Чжу Яньинь по-прежнему полулежал на кровати:

— Я еще не дочитал те стихи. Вот прочту все, и если найдутся те, что мне по душе, попрошу дядю Чжана устроить пир. Но это подождет до нашего возвращения из Сюэчэна.

Ли Суй не разбирался в обычаях книжников, поэтому просто кивнул и предложил:

— Альянс боевых искусств задержится здесь на день для передышки. Хочешь, я отведу тебя погулять за город?

— Хорошо. — Чжу Яньинь с достоинством подбирал слова. — Вчера вечером я уснул прямо за столом. Хорошо, что ты был рядом.

Ли Суй не понял:

— Что «хорошо, что я»?

Чжу Яньинь мысленно опешил: «?»

Истина могла быть только одна: это дело рук преданного старого дворецкого.

Чжу Яньинь подумал: «Ладно, забудь».

В этот момент лепесткам персика точно не суждено было упасть с неба: этот великий злодей оказался далеко не так романтичен и чуток, как хотелось бы. Впрочем, Ли Суй, кажется, уловил в его словах скрытый смысл:

— Ты хочешь, чтобы я приходил к тебе посреди ночи?

Вытирая лицо, Чжу Яньинь принялся отчаянно все отрицать: «Ничего подобного, я этого не говорил, не выдумывай».

Ли Суй спросил снова:

— Значит, мне прийти сегодня ночью?

Чжу Яньинь швырнул полотенце обратно в таз и повернулся, чтобы встретиться с ним взглядом. В таких делах важна гармония неба, земли и людей! Как можно договариваться о подобном заранее? Это же не свидание старого городского прохвоста с молодой вдовушкой у кривого дерева — начисто лишает всякой эстетики!

Ли Суй протянул руку и слегка потянул его за ухо.

Чжу Яньинь долго молчал, а затем выдавил:

— Почему это ты вместо того, чтобы спать ночью, должен заявляться в мою комнату? Нельзя!

— Ты покраснел, — заметил Ли Суй.

— Вовсе нет! — не задумываясь, соврал Чжу Яньинь.

Ли Суй подвел его к медному зеркалу и, слегка наклонившись, положил подбородок ему на плечо.

— Посмотри сам.

Чжу Яньинь просто-напросто зажмурился. Пока он не смотрит, краснеет кто-то другой, но не он.

Ли Суй тихо рассмеялся. Его волосы и дыхание коснулись уха Чжу Яньиня, обжигая нежную кожу. Казалось, она вот-вот вспыхнет пламенем. В конце концов, оба были молоды, кровь в их жилах бурлила, и одной искры хватило бы, чтобы разжечь пожар.

Объятия Ли Суя сзади мешали Чжу Яньиню сосредоточиться. И хотя между ними уже не оставалось тайн, некоторые вещи все еще не были названы своими именами. Из-за этого казалось, будто только он один поддается столь романтическим порывам. Разве это годится? Где же хваленая гордость ученого мужа?

Тогда он повернул голову и быстро запечатлел поцелуй на щеке Ли Суя.

Когда цзяннаньский смутьян принимается заигрывать с невинным демоном, это выходит у него на редкость ловко — ничего не поделаешь.

Ли Суй промолчал:

— ...

Казалось, в этот момент весь мир внутри и снаружи затих. По крайней мере, Чжу Яньинь больше не слышал шума с улицы. Он смотрел на Ли Суя, лицо которого было совсем близко, и молчал — главным образом потому, что от волнения у него перехватило дыхание.

Ли Суй прижал его к себе еще крепче. Они простояли так довольно долго, прежде чем он заговорил:

— Я еще не вытряс из Цзян Шэнлиня обещанные пятьдесят лет жизни.

— И сколько тебе осталось? — спросил Чжу Яньинь.

— Десять лет. Или пять.

— Да, и правда недолго.

Ли Суй слегка потерся носом о его шею.

Чжу Яньинь продолжил:

— Если действительно осталось всего пять лет, то тебе нужно поспешить и составить список. Запиши туда все свои несбывшиеся желания одно за другим и начни исполнять их, чтобы не уйти с сожалениями.

Ли Суй поднял голову:

— И почему ты даже не пытаешься меня утешить? А вдруг я проживу еще лет двадцать или тридцать?

— Ну да, ну да, — кивнул Чжу Яньинь. — Вдруг ты действительно проживешь еще лет двадцать-тридцать.

Ли Суй схватил его обеими руками за щеки и с угрозой произнес:

— Недостаточно искренне. Начни заново!

Чжу Яньинь невнятно замычал:

— Пу-у-усти, у меня сейчас слюнки потекут!

— Мне все равно! Живее!

— Ладно, ладно, дай мне настроиться.

Чжу Яньинь высвободил лицо из его пальцев, встал поудобнее и принялся собираться с мыслями. Спустя приличное время он наконец заговорил с чувством:

— Ты обязательно сможешь...

Ли Суй перебил его:

— Хорошо.

Чжу Яньинь запнулся:

— ...Что «хорошо»? Я же еще не договорил.

— Тебе и не нужно, — Ли Суй посмотрел на него. — Обещаю тебе, мы вместе доживем до глубокой старости.

— Угу, — отозвался Чжу Яньинь.

Затем он с улыбкой добавил:

— Я запомнил. И не вздумай нарушить слово.

Солнце в начале зимы грело приятно и мягко.

Таланты Хэчэна сначала разминутись с цзяннаньским ученым у городских ворот, а затем упустили его во второй раз прямо у постоялого двора.

Ли Суй увлек Чжу Яньиня за собой, и они во весь опор помчались прочь из города. На этот раз даже стражники из усадьбы Чжу остались далеко позади, и всю дорогу их сопровождал лишь свист ветра.

Они направлялись на вершину горы, чтобы полюбоваться снегом.

Дело было даже не в снеге. На постоялом дворе оказалось слишкомлюдно, да и во всем городе не нашлось бы спокойного уголка. Им обоим хотелось остаться наедине, поэтому они выбрали это высокое, холодное и суровое место, где не было ни души. Их нежные воркования под луной в итоге больше походили на беседы двух даосов, решивших вместе достичь бессмертия.

Чжу Яньинь потер ладони:

— Как холодно.

Ли Суй укутал его в свой плащ:

— Вернемся?

— Не хочу, мы ведь только пришли. — Чжу Яньинь притопнул по снегу. — В городе шумно илюдно, а здесь так спокойно. Давай чуть позже поднимемся еще выше.

Ли Суй мимоходом слепил для него маленького снеговика:

— Похож на...

— Какой уродливый, — перебил Чжу Яньинь.

Ли Суй мгновенно перестроился:

— ...Цзян Шэнлиня.

Чжу Яньинь задал глубокомысленный вопрос:

— Зачем тебе лепить Божественного целителя Цзяна?

Ли Суй и бровью не повел:

— Если не вытрясу из него пятьдесят лет, буду каждый день тыкать в эту фигурку иглами.

— Логично, — согласился Чжу Яньинь.

Оставшийся на постоялом дворе Божественный целитель Цзян в этот момент почувствовал, как по спине пробежал холодок, словно кто-то строил против него коварные козни, хоть он и понятия не имел, в чем дело.

Гора была высокой, но не крутой. Каменные ступени скрывались под тонким слоем снега, а на

засохших ветках вдоль тропы висели выцветшие разноцветные ленты — напоминание о том, как оживленно здесь бывало в разгар лета, когда толпы путников поднимались на вершину. Горный ручей уже подернулся тонким льдом, а там, где склон становился ровнее, на камнях висело множество деревянных ковшей с длинными ручками.

Чжу Яньинь улыбнулся:

— Угадай, для чего здесь эти ковши?

— Пить вино, — ответил Ли Суй.

Чжу Яньинь удивился:

— Откуда ты знаешь?

Когда ученые мужи собирались вместе, предаваясь веселью, они обычно выбирали одного человека, который садился на камень и длинным ковшом разливал вино всем присутствующим. Нефритовые кубки наполнялись чистым хмелем, песни развеивали печали, и все пили до беспамятства. Неужели в мире боевых искусств устраивали похожие празднества?

На самом деле Владыка дворца Ли просто угадал наугад, но, попав в яблочко, сохранил свое обычное бесстрастное выражение лица, словно так и должно быть, и небрежно кивнул.

Чжу Яньинь взял ковш поменьше:

— А этот для чего?

Ли Суй промолчал. А разве есть разница?

Чжу Яньинь рассмеялся:

— Этим набирают воду. Некоторые художники и каллиграфы любят растирать тушь на талом снегу, собранном с горных вершин. Ковши такой формы удобны, чтобы наливать воду прямо в кожаный бурдюк.

Ли Суй спросил:

— А какую воду предпочитаешь ты?

— Я не привередлив, но можно попробовать и талый снег.

Ли Суй отвязал от пояса пустой бурдюк и набрал для него немного подтаявшего снега. Чжу Яньинь вернул ковш на место и попутно разглядел надпись, вырезанную на бамбуковой ручке. Владельцем был некий господин Сюй. Иероглифы были выведены размашисто и живо, в них чувствовалась легкая хмельная небрежность — прекрасный почерк.

Ли Суй презрительно хмыкнул.

Чжу Яньинь тут же поспешил добавить: «Конечно, твой почерк мне нравится гораздо больше! Пусть он немного небрежный, но люди из цзянху и должны быть такими — свободными от условностей, сильными!» С этими словами он показал большой палец с самым искренним выражением лица. Запечатлей его кто-нибудь на бумаге в этот момент — рисунок можно было бы смело вешать у входа в любую лавку для завлечения покупателей: «Второй молодой господин Чжу одобряет!»

Ли Суй подхватил его одной рукой:

— Спускаемся!

Чжу Яньинь попытался вырваться:

— Я хотел пройти ещё немного повыше!

— Слишком холодно, — отрезал Ли Суй. — Когда в следующем году потеплеет и расцветут цветы, я снова приведу тебя сюда.

Чжу Яньинь ухватился за его волосы:

— Когда расцветут цветы, мы уже должны будем вернуться в Цзяннань. Кто вообще захочет ехать в эту глушь?

Уголки губ Ли Суя приподнялись, и он крепче сжал объятия.

«Я сказал "мы вернемся в Цзяннань", и ты не возразил. Значит, согласился», — подумал Чжу Яньинь.

И это было прекрасно.

<http://bllate.org/book/18290/1754163>